

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

**«Посольская книга Шарап-Веригина» —
литературно-документальное сочинение
второй половины XVII века**

Проблема вымышленных, так называемых фальсифицированных, разрядов была поставлена в науке уже в середине XIX в. П. Строев, описывая рукописи собрания И. Н. Царского, обратил внимание на две разрядные книги, написанные в конце XVII в.: «Книга чиновная, писаны походы на службу великого государя и великого князя Ивана Васильевича» — № 359 (походы на Казань 1544 г., на «свицкие немцы» 1549 г. и на польского короля Стефана Абатура 1551 г.) и № 560 (поход на «свицкие немцы» 1577 г., на шведского короля под город Кольвань 1579 г. и на польского короля Стефана Абатура 1575 г.). Комментируя эти рукописи, Строев писал: «... все годовые и месячные числа и подробности походов чистый вымысел, все фамилии выдуманы, у последней <рукописи> скрепа по листам „Диак Лука Ефимов“ явно фальшивая. Следовательно, в XVII веке, когда разрядные книги не были еще уничтожены, на них составляли уже пародии».¹ В собрании А. С. Уварова, частично включившем в себя собрание Царского, отмечены эти же рукописи с вымышленными разрядами и, кроме того, два списка «Посольской книги Шарап-Веригина» 1554 г., которую арх. Леонид посчитал необходимым причислить к сочинениям того же рода.²

В конце 40—середине 50-х гг. XIX в. И. Д. Беляев, классифицируя рукописные разрядные книги для подготовки их издания, выделил в особую категорию фальсифицированные разряды (в частности рукописи Архива Министерства иностранных дел, № 484/964, XVII в.), где «писаны походы под Казань и под Смоленск, кажется, с намерением подсмеять составителей печатных разрядных книг, ибо лица, годы и события искажены в противовес всем историческим данным по официальным свидетельствам», это «как бы пародия на разряды», в «книге чиновной описаны службы небывалых походов царя Ивана Васильевича».³

В 80-х гг. XIX в. исследование вымышленных разрядов было предпринято Н. П. Лихачевым. Материалы, собранные им, — описания рукописей, копии текстов, генеалогические выписки — хранятся в ЛО Архива АН СССР, в фонде Н. П. Лихачева (ф. 246, оп. 1). Здесь же находится рукопись реферата «О некоторых событиях и лицах, внесенных в наши генеалогические сборники из вымышленных разрядных книг» (ф. 246, оп. 1, № 38), читанного Н. П. Лихачевым 17 апреля 1887 г. на заседании

¹ Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие . . . И. Н. Царскому. М., 1848. С. 337—338.

² Леонид, арх. Систематическое описание славяно-российских рукописей собр. гр. А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 126, 218; 1894. Ч. 4. С. 231—232.

³ Переписка И. Д. Беляева с учеными и литераторами // ЧОИДР. 1882. Кн. 1, разд. 5: Смесь. С. 27—30; Буганов В. И. «Записка» И. Д. Беляева об издании разрядных книг // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 238.

Общества любителей древней письменности. Возможно, Н. П. Лихачев намеревался опубликовать реферат в Памятниках ОЛДП. Однако исследование нельзя считать законченным. Это, скорее, выявление материала (так, перечислено 17 списков разрядов из хранилищ Петербурга, Москвы, Томска), наблюдения о проникновении сведений из вымышленных разрядов в генеалогические работы М. Г. Спиридова: «Родословный российский словарь» (М., 1793) и «Сокращенное описание служб благородных российских дворян, расположенное по родам их» (М., 1810), а также в «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В. В. Румеля и В. В. Голубцова; сопоставление вымышленных разрядов с подлинными, с местническими делами, сравнение их с вымышленными дипломатическими грамотами и статейными списками. Среди шифров вымышленных разрядов значится и «Посольская книга» посольства в 1554 г. в Царьград Шарап-Веригина.

Этот скупой перечень обращений исследователей к вымышленным разрядам остается завершить упоминанием статьи А. Введенского, опубликованной в начале 30-х гг. нашего века. Наряду с другими произведениями, написанными в форме документов, автор рассматривает эти разряды просто как откровенные подлоги и даже пытается объяснить их появление уничтожением в московских пожарах, а особенно в пожаре 1626 г., приказных архивов, что, по его мнению, явилось причиной создания поддельных документов для подтверждения родословных притязаний и обоснования местнических споров.⁴ Этот односторонний и довольно упрощенный взгляд на вымышленные документальные сочинения давно уже пересмотрен советской наукой, открывшей в так называемых подделках литературно-публицистические памятники, посвященные вопросам внешней и внутренней политики, разглядевшей в обращении к формам деловой письменности особый прием писателей, вышедших из среды приказных канцеляристов, а в их сочинениях — приметы древнерусской беллетристики.⁵ В свое время были опубликованы и изучены такие публицистические произведения конца XVI — первой четверти XVII в., как статейные списки посольств Ищеина и Сугорского (Повесть о двух посольствах) и дипломатическая переписка Ивана Грозного с турецким султаном (Легендарная переписка).⁶ Рассмотрим с этих же позиций Посольскую книгу Шарап-Веригина.

Вымышленное посольство в Царьград боярина Михаила Павловича Шарап-Веригина представлено в рукописях как «Книга посольская, писаны походы на службу послов в Царьгород ко царю Магмет Солтану лета 7062-м году» (1554 г.). Она известна в трех списках второй половины XVII в. Два из них отмечены Леонидом в Описании собрания Уварова: № 137/1879, 4° и № 1565/646 — копия со старых рукописей (этот список, кажется, утрачен — во всяком случае, сейчас его в РО ГИМ нет ?); третий список (ГПБ, Q.XVII.20) относится к 70—80-м гг. XVII в. Как и предшествующие ей Повесть о двух посольствах, состоящая из вымышленных статейных списков посольств Андрея Ищеина в Царьград и Захария Сугорского к цесарю Максимилиану, и Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном, Книга посольская рассказывает о време-

⁴ Введенский А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 99. (Тр. ист.-археолог. ин-та АН СССР. Т. 9).

⁵ См.: Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 252—253.

⁶ См.: Каган М. Д. 1) Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 247—272.

⁷ Благодарю И. Л. Жучкову за уточнение сведений о списках собрания Уварова.

нах Ивана Грозного. Однако ни упоминание имен царя и митрополита Макария, ни дата не могут ввести читателя в заблуждение и выдать Книгу посольскую за памятник XVI в. Если Повесть о двух посольствах опиралась на статейные списки подлинных посольств, приводила подлинные имена русских дипломатов, то Книга посольская Шарап-Веригина не имеет соприкосновения с подлинными документами, сюжет ее в своей повествовательной части построен на Повести о двух посольствах, причем использовано всего несколько эпизодов источника.

Посол Шарап-Веригин, как и Андрей Ищеин, отправляется в Царьград с жалобой на крымского хана Мингирея и на калгу Салтана, разоряющих военными набегами Московское государство. В ответе султана появляется мотив, использованный не только в Повести о двух посольствах, но и в Легендарной переписке и в некоторых других устных и письменных сочинениях, затрагивающих вопросы русско-татарских и русско-турецких отношений, — о дани, которую русский царь якобы обязан платить хану или султану. Набеги крымцев, поясняет султан, вызваны тем, что «ваш христианский государь за многие годы выходов и дани ко мне в царство не присылает». В центре повествования смелый поступок русского посла, который в ответ на угрозу султана разорять и впредь русские земли, а самого царя взять в плен, «дерзнул ко царю <султану> с ножем». Этот эпизод целиком заимствован из посольства Ищеина, но и там он не оригинален — так же поступает посол Захарий Тютчев с Мамаем в Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Как и в Повести о двух посольствах, турецкий султан милует приговоренного к смерти Шарап-Веригина и ставит его в пример своим визирям и пашам.

Эта часть Книги посольской Шарап-Веригина является вполне подражательным произведением со всеми характерными для такого рода сочинений чертами.⁹ Обращаясь к Повести о двух посольствах, автор заимствует диалоги не только из рассказа о посольстве Ищеина, но и из рассказа о посольстве Сугорского. Поэтому турецкий султан спрашивает Шарап-Веригина о русских святых и чудотворцах и поражается силе русского царя. Если эти речи были естественны в устах христианского императора Максимилиана, то совершенно неуместны в рассказе о царьградском посольстве, противоречат угрозам турецкого султана русскому царю. Страдает в Книге посольской и композиция. Если в Повести приговор послу следует сразу же за его преступлением, то Шарап-Веригин после того, как «дерзнул ко царю с ножем», еще держит речи, прославляющие силу русского царя, произносит угрозы крымскому хану и султану, а турецкие визири и паша по приказанию султана ему отвечают. Искусственность построения сюжета сказывается и в том, что героический эпизод посольства не предстает перед читателем внезапно, а как бы уже предрешиен в речи митрополита Макария, благословившего послов перед отъездом: «Аще хотя и смерть от нечестиваго царя примете, то вам вменит господь бог в мучительство и мзду за воздаяние и воспримете от него веньцы небесные . . . и сродником вашим по вас будет честь и слава вечная». Описательная часть Книги посольской гораздо беднее Повести, изображающей дворцы, города, посольские ритуалы и придворные обычаи, усиливающей занимательность вставными легендами. В Книге посольской ничего этого нет. В то же время заимствованные места ее подчас более многословны и растянуты, автор не цитирует свой источник, а пересказывает его на свой лад. Например:

⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 79—80.

⁹ См.: Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку; Игореве») // РЛ. 1964. № 3. С. 84—107.

П о в е с т ь
о д в у х п о с о л ь с т в а х

К н и г а п о с о л ь с к а я

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел тебе поклониться, извещая тебе, царю, на твоего посаженника, на крымского на Менгирея царя и на калгу царевича — пришли в мою землю войною и повоевали, и Москву град пожгли.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич велел тебе, царю, говорить и жалобу творить на твоего посаженника, на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, что они под наши царевы города ходят шипом и разоряют села, и деревни пожигают, и в полон мужеской пол и женской берут, и наругательство им, женскому полу и мужескому чинят, ростлят, а иных запродают в твое царство на каторги и в иные земли.

Эти дополнения Книги посольской содержат и исторические реалии: упоминание пленных русских, а особенно украинцев, действительно пополнивших в Османской Порте армию рабов, выполнявших самые тяжелые работы; достоверный путь, которым идут русские послы, — на Воронеж и Азов, а затем морем в Стамбул. Послы, как правило, стремились миновать враждебный Крым, хотя иногда и заезжали в Кафу.¹⁰

Книга посольская только отчасти имитирует статейный список, занимающий центральную часть памятника. Так, в тексте можно усмотреть намек на обязательно входящий в этот вид документа «наказ» — перечень лиц посольства, подробный маршрут с указанием количества стрельцов, необходимых для охраны: «. . . а с Воронежа указал великий государь . . . итить . . . казачье голове Ивану Васильеву сыну Толбузину . . .» и проч. В других частях автор обращается к документальной форме разряда. В небольшом по объему произведении полный список участников посольства, состоящего из тринадцати человек, — трех бояр, двух окольничих, шести думных дворян, двух дьяков — приведен шесть раз. Намерение автора видеть в своем сочинении именно разряд подтверждается и тем, что во всех трех списках Книга посольская сопровождается вымышленным разрядом похода 1556 г. против польского короля Степана Абатура. Данный разряд несомненно связан с Книгой посольской, так как некоторые члены посольства участвуют в походе, причем уже в более высоких чинах, пожалованных им за посольскую службу. Эти пожалования им читает дьяк Андрей Клубок в Золотой палате. Боярин Михаил Павлович Шарап-Веригин — в походе дворецкий, конюший и комнатный боярин; окольничий Андрей Васильевич Сабуров — в походе боярин, кроме него тут же названы Замятня Иванович и Иван Михайлович Сабуровы. Думные дворяне Иван Михайлович Скуратов, Иван Федорович Сидоров, Иван Васильевич Рюмин-Березников, Михаил Михайлович Сухоносов, Василий Александрович Строев — в походе окольничие. Кроме князя Михаила Васильевича Горбатого в поход выступают его родичи — князя Андрей Михайлович (сын?) и Семион Иванович Горбатые; вместо князя Ивана Михайловича Тростенского в походе значатся князя Семен Семенович и Василий Гимфеевич Тростенские. Такая же замена происходит и с дьяком Филиппом Стрешневым, пожалованным за посольство думным дьяком, в походе же фигурирует окольничий Михаил Иванович Стрешнев. Разряд похода 1556 г., как и другие фальсифицированные разряды, специально не изучался, поэтому неизвестно, сочинен ли он одновременно с Книгой посольской или уже существовал раньше и был использован автором Книги, вставившим в него имена послов.

Как Книга посольская, так и следующий за ней разряд отличаются целым набором анахронизмов. Прежде всего бросается в глаза, что в 1556 г. не мог состояться поход против Стефана Батория, ставшего польским ко-

¹⁰ О пути послов см.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 30, 33, 71—73, 75, 77, 78, 83; Т. 2. С. 5; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 370. (Статейный список Новосильцева. Комментарии).

ролем только в 1576 г. Это же хронологическое несоответствие касается и ряда упомянутых в Книге посольской городов: Уржум был основан в 1584 г., Ефремов — в конце XVI—начале XVII в., Коротояк — в 1642 г., Усмань — в 1646 г. Крепость Воронеж была построена только в 1586 г. Однако появление в Книге посольской города Воронежа и Воронежского уезда не только анахронизм, но и путаница: название Воронежа как пункта на пути послов встречается в турецких и русских документах конца XV—начала XVI в., но там имеется в виду не город, а река.¹¹

Нарочитым представляется и подбор персонажей Книги посольской. Обращение к подлинным разрядам показывает, что эти лица не только никогда не собирались вместе, но вообще появлялись на историческом поприще в разное время. Так, князь Михаил Васильевич Кислой-Горбатый умер в 1535 г.¹² Последние Горбатые — известный воевода князь Александр Борисович и его сын — были казнены Грозным в 1564 г.¹³ Род князей Тростенских, среди которых в разрядной книге числится несколько Иванов (но не Михайловичей)¹⁴ — отрасль князей Оболенских, — преврался в 1607 г. Окольныйчий Андрей Васильевич Сабуров, государственный деятель конца XV—начала XVI в. («сказан» в бояре в 1532 г.), умер в 1534 г.,¹⁵ но род Сабуровых фигурирует и в XVII, и в XVIII вв. Так, разрядные книги (ЦГАДА, ф. 181, д. 112, конец XVII—начало XVIII в.; ЛОИИ, собр. Воронцова, № 661, вторая половина XVII в.; ГБЛ, М. 3276, конец XVII в.) принадлежали Сабуровым.¹⁶ Иван Михайлович Лихачев в 1579 г. был воеводой в Ракоборе, убит в осаде, но, по-видимому, никогда не участвовал в посольствах.¹⁷ В XVII в. (1635 г.) известен думный дьяк Федор Лихачев.

Наряду с представителями древних аристократических фамилий в Книге посольской фигурируют имена людей, выдвинувшихся во времена Грозного и позже. Таков Малюта Скуратов — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, представитель низшего дворянства, только в 1570 г. получивший чин думного дворянина в опричнине.¹⁸ К этой же группе лиц относятся представители сильной приказной бюрократии середины XVI—XVII в. дьяки Василий Шелкалов, Андрей Клобуков, Иван Филиппович Стрешнев (в Книге посольской — Филипп Стрешнев) — служащие Посольского и Разрядного приказов. Из «новых» людей интересна и фамилия Желябужского: Иван Афанасевич Желябужский, дипломат и государственный служащий, автор Записок за 1682—1709 г.; известен в документах и Михаил Васильевич Желябужский.¹⁹ Желябужские имели и свою разрядную книгу, составленную из разрядных выписок за 1537—1662 гг. (ЦГАДА, ф. 181, д. 125, конец XVII—начало XVIII в.).²⁰ В Книге посольской названы и другие лица, фамилии которых встречаются в разрядах и боярских книгах, но в целом о которых мало что известно: думный дворянин Иван Федорович Сидоров,

¹¹ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция. . . Т. 1. С. 73, 78; Т. 2. С. 5; Карпов Г. Ф. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордями и с Турцией. СПб., 1885. Т. 2. С. 90, 94, 424, 680.

¹² См.: Древняя российская виблиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 20. Послужной список старинных бояр и дворецких, окольных и некоторых других придворных чинов с 6970 по 7184 (1462 по 1676) год. С. 15, 25, 26.

¹³ См.: Сухонин С. Последние Горбатые-Шуйские // Вестн. всемир. истории. 1900. № 7. С. 180—183.

¹⁴ См.: Альшиц Д. Н. Разрядная книга Московских государей XVI в.: (Официальный текст) // Пробл. источниковедения. М., 1958. № 6. С. 130—131.

¹⁵ См.: Древняя российская виблиофика. С. 25.

¹⁶ Буганов В. И. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV—начала XVII в. // Пробл. источниковедения. № 6. С. 175, 197, 214.

¹⁷ См.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Казань, 1888. С. 149—151.

¹⁸ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 23.

¹⁹ См.: Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 48.

²⁰ Буганов В. И. Обзор. . . С. 177—178.

наместник кадомский (в Уваровском списке — радомский), Иван Васильевич Чернецв, думные дворяне Михаил Михайлович Сухоносов и Василий Александрович Строев, казачий голова Иван Васильевич Толбузин и стрелецкий голова Михаил Иванович Борков.

Без дополнительных разысканий трудно предположить, чем вызван именно такой подбор персонажей в вымышленном посольстве Шарап-Веригина. Можно обратить внимание на то обстоятельство, что значительное место уделено святому Сергию Радонежскому, к которому послы обращаются за помощью в их труде, и Троице-Сергиеву монастырю, куда едет царь в сопровождении 300 000 человек, как рассказывают об этом послы турецкому султану. Возможно, обращение к авторитету Сергия Радонежского и его обители здесь не случайно. Многие из названных в Книге посольской фамилий значатся в списке погребенных в Троице-Сергиевом монастыре: Борис Иванович, Александр Борисович и его сын Горбатые, Никифор Федорович Сабуров (ум. в 1598 г.), Дмитрий Федорович Скуратов (ум. в 1627 г.), Василий Шелкалов и его сын Иван, Андрей Федорович Клобуков (ум. в 1633 г.), но не дьяк Андрей Клобуков, умерший в 1591 г., Федор Григорьевич Желябужский, ездивший в Польшу к пленному Филарету.²¹

Есть в Книге посольской вымышленные или как-то зашифрованные лица. Прежде всего — глава посольства боярин Шарап-Веригин, в имени которого соединились подлинные дворянские фамилии Веригиных (XVI в.) и Шараповых (XVII в.). Напоминает это имя и подлинных дипломатов: Шарапа Лодыгина, посланного в княжение Василия III к Римскому папе,²² и Леонтия Шевригина по прозвищу Истома, посланного Иваном Грозным к императору Рудольфу и папе Григорию XIII в 1580 г. (он же значится в списке служивых людей Опричного двора в 1573 г.).²³ Вообще некалендарное имя Шарап стоит в Дворовой тетради на седьмом месте.²⁴ Не встречается в разрядах XVI и XVII вв. и Рюмин-Березников, хотя есть Рюмин-Звенигородский и просто Березников.

Книга посольская — произведение XVII в. Несомненно, она написана после Повести о двух посольствах (конец XVI—начало XVII в.). В самой Книге посольской датирующим может быть упоминание городов, основанных в 40-х гг. XVII в. Оба доступных списка Книги тяготеют к последней четверти XVII в. В рукописи ГПБ, Q.XVII.20 перед Книгой посольской в той же тетради и тем же почерком написана «История о царях и великих князьях земли Русской» Федора Грибоедова. Этот вид «Истории» — родословия рода Романовых, — состоящей из 34-х глав, датируется 1669 г. Здесь упоминаются как живые жена царя Алексея Мария Ильинична и сын Симеон, умершие в 1669 г. Возможно, что «История» Грибоедова и Книга посольская соединились в протографе списка Q.XVII.20, что позволило бы предположить возникновение Книги посольской не позже начала 70-х гг. XVII в. Своей генеалогией «История» Грибоедова тематически связана с Книгой посольской: в ней упоминается родство царя Михаила с Анастасией Романовой и уделяется внимание его жене Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Появление рядом с Книгой посольской сочинения Федора Грибоедова, разрядного дьяка и активного участника деловой, военной и посольской жизни Московского государства, не случайно; оба произведения возникли в одной общественной среде.²⁵

²¹ См.: Список погребенных в Троицкой Сергиевской лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880.

²² ПСРЛ. Т. 8. С. 272.

²³ См.: Лихачев Н. П. Антоний Поссевин и Истома Шевригин // Вестн. всемир. истории. 1900. № 2. С. 1—20.

²⁴ См.: Рюбин В. Б. Генеалогия и антропонимика: (По русским материалам XV—XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977. С. 87.

²⁵ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. (По списку СПб. ДА, № 306) / Сообщения С. Ф. Платонова (предисл.) и В. В. Майкова (изд. текста). СПб., 1896. (ПДП; № 124).

Книга посольская написана в деловых кругах скорее всего Посольского приказа как произведение публицистическое. Ее главная тема — внешняя политика Московского государства. Автор маскирует свою позицию внешнеполитическими проблемами 80-х гг. XVI в. Можно предполагать, что он был знаком с посланиями Ивана Грозного, в которых была высказана политическая доктрина единения польско-турецкого фронта против христианских государств, а Стефан Баторий, ставленник турецкого султана на польском престоле, объявлен защитником интересов Оттоманской Порты в Европе. Это обвинение содержится в дипломатических грамотах Ивана IV, посланных с гонцом Истомой Шевригиным императору Рудольфу и папе Григорию XIII в 1580 г.; в посланиях самому Стефану Баторию в 1581 г. русский царь писал, что польский король передает христиан басурманам, стремится, обессилив войной Русскую и Литовскую земли, отдать их туркам.²⁶ По-видимому, имя Стефана Батория в вымышленном разряде, помещенном после Книги посольской, появляется не случайно, как и соединение турецкой и польской темы в сборнике последней четверти XVII в.

Длительная война России с Польшей за Украину и Белоруссию, закончившаяся в 1667 г. Андрусовским перемирием, не разрешила русско-польских противоречий. Последующее наступление турок на Украину и Польшу вынудило Россию направить в 1672 г. войска на Дон. Россия была втянута в войну против Турции. Политические отношения с Польшей были осложнены враждебным отношением ее правительства к России. В начале 1676 г. русский посол Василий Тяпкин сообщал о тайных переговорах польского короля Яна Собеского с турками. По мирному договору 1676 г., который Польша, потерпев поражение в войне с Турцией, подписала в Журавне, польское правительство обязывалось помогать туркам в войне против России.²⁷ Таким образом, ситуация Книги посольской и разряда вполне соответствовала политической обстановке 70-х гг. XVII в. с ее неразрешимым узлом русско-польско-турецких военных и дипломатических противоречий.

Таким же актуальным для международной жизни оставался и основной вопрос посольства Шарап-Веригина — жалоба на военные действия крымского хана против Украины и Дона. Во всех многочисленных посольствах второй половины XVII в. в Турцию (например, Афанасия Нестерова в 1666—1669 гг., Василия Даудова в 1668—1669 гг., Афанасия Парасукова в 1669 г., Василия Даудова в 1672 г., его же и Федора Старкова в 1678 г., гонца Никиты Кудрявцева, посла Ивана Сухотина и дьяка Василия Михайловича в 1679 г.) этот пункт переговоров оставался традиционно неизменным.²⁸ Книга посольская — произведение антитурецкое. В переговорах с султаном русские послы прибегают к брани: «Царю, ты како страж гроба господня и обладатель надо всеми нами? Ты страж и гранитель и наследник адские пропасти, бе же тмы тмами ваши неверные, и вместо радости в будущем веце примут мучение вечное за свое некрещение». Автору не было надобности сочинять этот пассаж специально для Книги посольской, он мог почерпнуть эти выражения из распространенной во второй половине XVII в. в Посольском приказе переводной публицистики антитурецкого толка и, несколько изменив их, приспособить к своему тексту.²⁹

²⁶ См.: Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 513—514.

²⁷ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция. . . Т. 2. С. 126—127, 133—134; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 520—521.

²⁸ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция. Т. 2. С. 114.

²⁹ См.: Каган М. Д. 1) Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 309—315; 2) Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 226—240, 246—

Другой аспект Книги посольской можно определить как генеалогическую легенду. Если соединение разных персонажей в посольстве Шарап-Веригина представляется несколько загадочным, то относительно четырех фамилий можно сделать четкое заключение: Сабуров, Горбатый, Скуратов и Стрешнев имеют отношение к царствующему дому — разные их представители в разное время были царскими родственниками по женской линии. Соломония, дочь Юрия Константиновича Сабурова, — первая жена Василия III. Свадьба их, состоявшаяся в 1506 г., подробно описана в официальной разрядной книге. Фамилия Горбатовых связана с Шуйскими и, что для нас, по-видимому, важнее, — с Романовыми. Дочь самого знаменитого из них — Александра Борисовича — Евдокия была замужем за Романом Юрьевичем Захарьиным, дедом царя Михаила. Дочь Малюты Скуратова Мария была женой Бориса Годунова. В 1626 г. на дочери Лукьяна Степановича Стрешнева Евдокии вторым браком женился царь Михаил, после чего захудалый род Стрешневых поднялся по служебной лестнице. Евдокия Лукьяновна получила в 1636 г. свой штат стольников, где пятеро из десяти были Стрешневы. В 1640 г. ее отец был записан в Боярскую книгу.³⁰ Но особенно возвысился род Стрешневых в царствование Алексея Михайловича.

Таким образом, в Книге посольской сведены царские родичи как из особо знатных родов — Сабуровы, Горбатые, так и из мелких дворянских фамилий — Скуратовы, Стрешневы. В действительности цари не назначали своих наименитых родственников в такие службы, где бы они столкнулись в местничестве со знатными людьми, ибо, занимая важные государственные посты, Стрешневы, например, по разрядам стояли ниже многих.³¹ Возможно, создавая в Книге посольской своеобразную иерархическую лестницу, на нижнюю ступень которой был помещен дьяк Стрешнев, не имеющий даже отчества, автор хотел подчеркнуть, как низко стояли в прошлом теперешние сильные персоны, и тем самым выразить свое отрицательное отношение к окружению царя Алексея. Пренебрежительное отношение определенных кругов к Стрешневу отразилось и в Повести о Савве Грудцыне: Семен Лукьянович Стрешнев приглашает Савву к себе на службу, но бес, опекун и советчик Саввы, «с яростию» отвергает это предложение: «Почто убо хочещи презрети царскую милость и служить холоду его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен. . .».³²

Вымышленные разряды, к которым в своей генеалогической части относится Книга посольская, не исследованы, поэтому неизвестно, для чего они создавались. Вопрос этот не был решен в свое время и Н. П. Лихачевым. Отмечая, что разряды этого типа никак не могли сойти за подлинные, он не находил в них никакой публицистики, никакой «литературщины». Дальнейшее изучение разрядов показало, что генеалогические легенды с целью возвеличивания своего рода проникали уже в подлинные разрядные книги, включались в них и вымышленные местнические дела. Особенно много фальшивых родословий и разрядов, а также поддельных грамот было изготовлено в 80-х гг. XVII в., когда встал вопрос о составлении новых родословных книг в связи с уничтожением местничества 12 января 1682 г.³³ Однако весьма вероятно, что такая обработка родословных

249; Waugh D. C. The great Turkes defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Ohio, 1978. P. 139—198, 211—214.

³⁰ См.: Арсеньев К. И. Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича // Учен. зап. II отделения АН. 1858. Кн. 4. С. 5.

³¹ См.: Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV—XVII веках. Одесса, 1888. С. 186—187, 541.

³² Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне: (Тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 248—249.

³³ См.: Зимин А. А. Генеалогические подделки конца XVII в.: К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве XVI—XVII вв. // Вопр. источниковедения ист. СССР. М., 1963. С. 404—405. (Тр. Моск. ист.-арх. ин-та. Т. 17).

и разрядных книг происходила и раньше. Так, еще в XVI в. дьяки А. Щелкалов и И. Стрешнев вносили по своей воле изменения в разрядные записи и давали местнические грамоты угодным им лицам. А. Щелкалов внес подлог в свою пользу в разряд свадьбы герцога Магнуса.³⁴ Так создавалась почва для возникновения разрядов переходного типа — от достоверных к фальсифицированным, а затем и для появления разрядов целиком вымышленных.³⁵

С другой стороны, как отметил В. И. Буганов, в рукописных сборниках разрядные книги часто соседствуют с публицистическими и литературными произведениями, которые затем попадают в текст разрядов, становясь усложняющими их литературными вставками.³⁶ Отсюда стирание грани между документом подлинным и подложным, между деловой письменностью и литературным произведением. Форма разряда соприкасается с беллетристикой, форма делового документа заимствуется вымышленным литературно-документальным произведением, в котором исторические лица соседствуют с вымышленными литературными героями.³⁷ Именно таким является боярин Михаил Павлович Шарап-Веригин, герой смелого посольства, главное действующее лицо Книги посольской. Этот персонаж становится литературным стереотипом, а его смелое посольство — «бродячим сюжетом», заимствованным из Повести о двух посольствах и кочующим во второй половине XVII в. из произведения в произведение.

Несмотря на то, что посольство Шарап-Веригина известно всего в трех списках и, казалось бы, не было широко распространено в рукописях, оно оказало влияние на возникновение подобных же династических сочинений. Известны два текста в сущности этого же посольства, в которых почти все фамилии заменены. В Псковском древлехранилище, в списке второй половины XVII в. из собрания Н. П. Яхонтова (№ 272/49), имеется аналогичная Книга посольства князя Никиты Васильевича Кипрского, где одним из участников посольства является Иван Игнатьевич Яхонтов.³⁸ В ГПБ, в сборнике XVIII в. (F.IV.346), во главе такого же посольства стоит князь Курпский (Курбский?), так что, возможно, Кипрский произошел от Курпского (Курбского). Список посольства Кипрского XIX в. из бумаг Малиновского (№ III—№ 39) упоминается в записках Н. П. Лихачева. В списке ГПБ один из участников посольства — боярин, наместник пошехонский Иван Михайлович Вырубов; сразу же после Книги посольской помещена «копия» с грамоты царя Ивана Васильевича боярину и наместнику пошехонскому Ивану Михайловичу Вырубову: за его военную службу — походы против крымского царя и против Литвы — он пожалован поместьями и вотчинами в Переяславском уезде. Ясно, что псковский список составлен для Яхонтовых, а ленинградский — для Вырубовых.³⁹

Таким образом, к беллетризованному в XVI, а особенно в XVII в. жанрам деловой письменности — челобитным, статейным спискам, посольским грамотам, судебным делам, дорожникам, лечебникам, бытовым

³⁴ См.: Маркевич А. И. История местничества. . . С. 292—293.

³⁵ См.: Буганов В. И. Обзор. . . С. 158.

³⁶ См.: Буганов В. И. Разрядные книги как памятник русской культуры // Вестн. истории мировой культуры. 1959. № 6. С. 105—107; Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII в. М., 1961. С. 30.

³⁷ См.: Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1956. Т. 15, вып. 3. С. 201—214.

³⁸ Благодарю Д. О. Цыпкина за датировку и уточнение текста псковского списка.

³⁹ По сведениям В. В. Руммеля, Иван Михайлович Вырубов — боярин при Грозном, если, конечно, известие о нем не почерпнуто из такого рода разрядов. См.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Эфрон. Спб., 1892. Т. 7. С. 546. В разрядах под 1535—1537 гг. значатся подьячие Иван и Леонтий Вырубовы; правда, по определению В. И. Буганова, это место является вставкой в официальный текст. См.: Буганов В. И. Разрядные книги. . . С. 110.

документам ⁴⁰ — можно добавить и разрядные книги: вымышленные разряды с легендарной вставкой, представляющие собой окончательный этап беллетризации этой формы документа.

Текст Книги посольской издается по списку ГПБ, Q. XVII.20. Исправления сделаны по списку ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 137/1879. Тексты обоих списков отличаются незначительными разночтениями.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

**Книга посольская, писаны походы на службу послов
в Царьгород ко царю Магмет Солтану, лета 7062-м году**

л. 214

Указал великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец, велел быти на своей, великого государя, службе на посольстве в Царьград ко царю Магмет Солтану и бояром, и околичим, и думным дворяном, и дьяком: боярину Михаилу Павловичю Шарап-Веригину, да боярину князь Михаилу Васильевичю Горбатову, да боярину князь Ивану Михайловичю Тростенскому, да околичим: Андрею Васильевичю Саборову, да Ивану Михайловичю Лихачеву, да думным дворяном: Ивану Михайловичю Скуратову, да Ивану Федоровичю Сидорову, да Ивану Васильевичю Рюмину-Березникову, да намеснику кадомскому Ивану Васильевичю Чернцеву, да Михаилу Михайловичю Суханосову, да Василью Александровичю Строеву, да дьяком: Василью Щелкалову, да Филипу Стрешневу.

А наперед тех своих великих и полномочных || послов указал великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец, велел послать на Воронеж свою, великого государя, грамоту. А грамота писана такова: От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России самодержца на Воронеж воеводе Михаилу Васильевичю Желябужскому. В нынешнем 62-м году указали мы, великий государь, велели быти на своей службе, на посольстве, великим своим и полномочным послом в Царьград ко царю Магмет Солтану боярину Михаилу Павловичю Шарап-Веригину, да боярину князь Михаилу Васильевичю Горбатову, да боярину князь Ивану Михайловичю Тростенскому, да околичим Андрею Васильевичю Саборову, да Ивану Михайловичю Лихачеву, да думным дворяном Ивану Михайловичю Скуратову, да Ивану Федоровичю Сидорову, да Ивану Васильевичю Рюмину-Березникову, да намеснику кадомскому Ивану Васильевичю Чернцеву, да Михаилу Михайловичю Суханосову, да Василью Александровичю Строеву, да дьяком Василью Щелкалову да Филипу Стрешневу.

л. 244 об.

А поход им, послом нашим, с Москвы будет к вам на Воронеж в великий пост марта в последних || числах. И как к тебе наша грамота приидет, и ты выбрал к нашему государеву струговому делу городовые службы добраго дворянина и велел зделать про послов наших сорок сем стругов и пустить на воду со всеми струговыми припасы. Да с ними же, послами своими, указали есмя, велели быти с Воронежа головам и с полковыми козаками и стрелцами казачье голове Ивану Васильеву сыну Толбузину с приказом, да стрелецкому голове Михаилу Иванову сыну Боркову с приказом. А струги им велели делать себе особья своими людьми с казаками и стрелцами сметясь с полковыми своими людьми с казаки и стрелцы, сколько им стругов надобно будет. А что про послов наших указали мы

л. 215

⁴⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 162—163.

еся струги делать приписными городами работными людьми и Воронежским уездом, а иным работным людям велено быть в провожатых на стругах в гребцах. А ис которых городов велено иметь к тому нашему струговому делу работных людей и на сътруги в гребцы, и тому под сею нашею грамотою написана роспись. А как струги все зделаете к донскому отпуску со всеми || струговыми припасы, и ты б о том к нам, к Москве писал в розряд тотчас. Писана на Москве лета 7062-м году декабря в 27 день.

Р о с п и с ь г о р о д о м :

С Воронежа 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Елца 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Лебедяни 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Ефремова 20 человек, да в гребцы 10 человек.

Из Ряска 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Рыбново 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Коротояку 20 человек, да в гребцы 10 человек.

Из Донкова 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Усмани 20 человек, да гребцы 10 человек.

Из Новасили 20 человек, да в гребцы 10 человек.

Из Болховца 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Уржума 20 человек, да в гребцы 10 человек.

И как послы на отпуску похода своего с Москвы и пришли помолитца во святую соборную и опустульскую церковь и приложитца к чесным иконам и чесным чудотворцевым мощам. И отслушав святых божественных литургия и молебного пения со слезами и рекли к богу, дабы сподобил нас владыко || и заступлением к богу московских чудотворцев Петра и Алексея, Ионы и молебника нашего и на бранех скорого заступника споборителя на враги Сергия Радонежскаго чудотворца, чтоб будучи на государеве службе на посольстве такое великое государево посолское дело совершилось в радости. И по совершении молебного пения пришли послы к преосвященному Макарию митрополиту принять от него благословение. И преосвященный Макарий митрополит благословил их чесным и животворящим крестом и окропя святою водою и рече к ним, послом, преосвященный Макарий митрополит: «Посланы есте на службу, на такое великое государево посолское дело в ьное государство. И вы за дом пресвятые Богородицы и за святых божиа церкви постражите, потом же и за великого государя и за православную веру христианскую стойте. Аще хотя и смерть от нечестиваго царя примете, то вам вьменит господь бог в мучительство и мзду за воздаяние и восприимете от него вьнцы небесные, и в соборной и апостолской церкви || души ваши поминовены будут и сродником вашим по вас будет честь и слава вечная». И дав им благославение и отпусти с миром. Да с ними же благословил от руку своєю отпустил своего болшаго Успенскаго собора протопопа Ивана Михайлова с братьею.

И марта в 1-м числе по указу великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России самодержца послы боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин, да боярин князь Михайло Васильевич Горбатой, да боярин князь Иван Михайлович Тростенской, да окопничей Андрей Васильевич Сабуров, да окопничей Иван Михайлович Лихачев, да думной дворянин Иван Михайлович Скуратов, да думной дворянин Иван Федорович Сидоров, да думной дворянин Иван Васильевич Рюмин-Березников, да намесник кадомской Иван Васильевич Чернцев, да думной дворянин Михайло Михайлович Суханосой, да думной дворянин Василей Александрович Строев, да дьяки Василей Щелкалов || да Филип Стрешнев пошли с Москвы на Воронеж сухим путем, а с Воронежа указал великий государь, велел быти для тех своих великих мочных послов литить с Воронежа казачье голове Ивану Васильеву сыну Толбузину с казакми да стрелецкому голове Михаилу Иванову сыну Боркову с стрельцы. А шли судами рекою Доном до казачья городка Черкаскаго, а из городка

пошли да Азова, а приняв послов в Азов с великою честью и пошли из Азова морем бусами и караблями до Царяграда.

И пришли послы в Царьград. И царь Магмет Салтан велел против русских послов учинить встречу, а встречали их, послов, гадуки. И как пришли послы ко царю Магмет Салтану в ответную полату и лист от великого государя ему, царю, поднесли, и царь Магмет Салтан повелел тот посольской лист перевесить своим переводчиком и они перевели. И послы боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин царю Магмет || Салтану от великого государя титулу говорил такую: Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич Московский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Обдорский, Великопермский, Болгорский, и низовые земли и всех северных стран обладатель и повелитель велел о твоём здоровье спросить, как в своём государстве долгоденствует.

И царь Магмет Салтан велел визирям своим и пошам к послам говорить, как ваш христианской государь живет? И послы речь говорили: Божиею милостию и чудотворцев московских Петра и Алексея, и Ионы, и Сергия Радонежского, и всех святых к богу заступлением государя наш царь и великий князь Иван Васильевич вкупе же с отцем своим и богомолцем с преосвященным Макарием митрополитом и со всем освященным собором по воли ево святотворца своего бога здравствует и долгоденствует. И послы речь || говорили: Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич велел тебе, царю, говорить и жалобу творить на твоего посаженника, на Крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, что они под наши царевы города ходят шишом и розоряют села, и деревни пожигают, и в полон мужеской пол и женской берут, и наругателство им, женскому полу и мужескому чинят, ростлят, а иных запродают в твое царство на каторги и в ыные земли. И ты, царю, вели дати на них оборонь и управу.

И царь Магмет Салтан велел везирям своим и пошам к послом говорить: Для того посаженник мой крымской Мингирей и калга Салтан под ваши города и ходят войною за то, что ваш христианской государь за многие годы выходов и дани ко мне в царство не присылает.

И послы речь говорили: Царю, мы того не ведаем, про какие ты выходы и дани велиши везирям своим и пошам к нам говорить! А государь наш царь и великий князь Иван Васильевич || живет в своём государстве и своєю областию; никою не боится и никому выходов и дани не дает. Толко мы, царю, присланы к тебе о том, вели дати оборонь на посаженника своего на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, чтоб они под наши государевы города шишом не ходили и нашу землю не разоряли, и в полон мужеской пол и женской не брали. А буде ты, царю, управы на них и оборони на посаженника своего, на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана дати не велишь, и государь наш царь и великий князь Иван Васильевич управитца с твоим посаженником, с крымским царем Мингиреем и с калгою Салтаном и собою.

И царь Магмет Салтан велел везирям своим и пошам к послам говорить: И впредь велю посаженнику своему крымскому Мингирею и калге Салтану ходить и ваше царство разорять, и самого велю привести, и женской пол и мужеской менить и к себе присылать в работу за многие выходы-дани свои.

И посол || боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин дерзнул ко царю с ножом. И речь посол говорил: Ты, царю, хошь государя нашего восточного царя к себе неволею привести и царство наше разорить, и грады наши засесть, и женской пол и мужеской пленить. А государь наш и великий князь Иван Васильевич царь благоверный и царь христиански бога имеет и бога почитает и многия царства к нему,

государю нашему, приклонились, и многих орд царевичи у него, государя нашего, живут и служат вместо холопа.

И царь Магмет Салтан велел везириям своим и пошам к послам говорить: Царь наш Магмет Салтан турецкой имеет под собою державу и многия государства владеньем, и страж гроба господня, и несть иного такового славнаго на земли и обладателя надо всеми.

И послы речъ говорили: Царю, ты како страж гроба господня и обладатель надо всеми нами? Ты страж и гранитель и наследник адцкие пропасти, бе же тмы тмами ваши неверные, и вместо радости // а. 249 об. в будущем веце примут мучение вечное за свое некрещение. Хошь ли, царю, то ведать, что государь наш царь и великий князь Иван Васильевич велит послать на твою убогую державу, на Крымскую землю и на Воложскую, и на Мытьянскую, и по степи азовской, на улусы нагайские подданных своих белгородцких черкас, и черкас запороских, и черкас заднепровских, и волных своих людей с Хвалынского моря, кулавинских казаков, и казаков терских, и казаков уфинских, и казаков еицких, и казаков донских многия тысячи, и велит крымскую твою землю, и воложскую, и мытьянскую, и по степи азовской улусы нагайские все разорить. И град твой лутчей, пристань корабленую Азов, велит выезжим своим подданным царевичем засести, и по морю Хвалынскому бусам твоим и катаргам, и караблям, и венгарям твоей земли не велит дать проходу ни в которые государства. А посаженника твоего, царя Мингирея и калгу Салтана, // а. 250 велит перед себя привести и казнить смертию, не описываясь к тебе, царю, на такова шиша, посаженника твоего крымского царя Мингирея и на калгу Салтана.

И царь Магмет Салтан рек к своим: Видете ли вы, ближнии мои люди визири и паши, сих послов, како смеют в моей полате дерзнуть ко мне с ножом и что им. послам, за то учинить и какое наказание? И везири и паши и всею ево царскою полатою приговорили русских послов казнить смертию за то, что они дерзнули в полате ко царю с ножом. И царь Магмет Салтан рек к своим к везириям и к пашам: Видите ли вы сих послов, что говорят и в неволе, да за государя своего стоят и умирают? Тако и вы, ближнии мои люди везири и паши, когда от меня куды посланы будите послами в ыные государства, или в их царство, и вы за меня тако же стойте и умирайте. А они люди невольныя, что велят, то и творят. И царь Магмет Салтан послов казнить не велел. //

И потом царь Магмет Салтан стал послов спрашивать. Скажите мне вы, послы, верные люди государя своего, сколько земля ваша Руская велика и что в ней святых мощей почивают, и какие от них к вам чудеса, и сколько государь ваш многолюден, и на которые земли войною ходит, и сколько войска с ним тысяч будет или куды пойдет молитца или тешитца, и в то время сколько с ним охотников конных и пеших лехких людей числом будет? И послы речъ говорили: Царю, земля наша руская велика, болши иных всех государств, и в нашем государстве святых мощей много почивают, и чудеса от них к нам великия, и милость неизреченная. А как государь царь наш и великий князь Иван Васильевич по своему обещанию пойдет молитца из своего государства верст за пездесят в дом пресвятыя живоначальной Троице отцу и чудотворцу скорому нашему помошнику на бранех и кормителю всех царей росиских и держащему царю и нашему росискому царствию // а. 251 // свободителю преподобному же и предивному в чудесех Сергию споборителю на враги, и в то время пойдет з государем нашим людей за 300 000 и болши. А как изволит великий государь царь и великий князь Иван Васильевич иттигъ на которую землю войною, или на королей, и он описываетца в ыные земли и во окресные государства и объявляет поход свой, что идет за их неисправление. А с ним, з государем нашим царем и великим князем Иваном Васильевичем, поидут царства и силы: царство Московское, царство Новгородское, царство Казанское, царство Астраханское, oprичь иных царств.

царства Сибирского, и царства Болгарскаго, и земли двинския, и страны заонежские, да с ним же, з государем нашим, пойдут уделные ево князи семдесят два, да у всякого князя своего войска по сту тысячь. И царь рек к своим везирым и пошам: немалое число.

И царь Магмет Салтан рек к послам: Скажите мне вы, послы, сколько у государя вашего всего войска тысячь и с царствами будет? || И послы речь говорили: Царю, неисповедимо и невозможно никому смелить, сколько нашего царства Росиского з государем нашим пойдут силы от восточныя наше страны по всем дорогам.

И царь Магмет Салтан повелел от себя написать лист под смертною казнию и послать в Крым к посаженику своему, к паше Мингирею к нарядыне и к калге Салтану, чтоб они, крымской мой посаженик паша Мингирей и нарядыне и калга Салтан, на руские города белого царя войною не ходили. И царь Магмет Салтан повелел послов от себя отпустить с великою честью.

А из Царяграда шли послы на караблях морем до Озова, а из Азова провожали на судах до городка Черкасского со всеми людьми. А из Черкасского донской атаман Михайло Панов послал с ними, послами, своего атамана Ивана Климшина с товарищы в провожатых до Москвы. А шли сухим путем степью на Волуйки.

И как послы с посолства к Москве || пришли, боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин, да боярин князь Михайло Васильевич Горбатой, да боярин князь Иван Михайлович Тростенской, да околничей Андрей Васильевич Сабуров, да околничей Иван Михайлович Лихачев, да думной дворянин Иван Михайлович Скуратов, да думной дворянин Иван Федорович Сидоров, да думной дворянин Иван Васильевич Рюмин-Березников, да намесник кадомский Иван Васильевич Чернецв, да думной дворянин Михайло Михайлович Суханосой, да думной дворянин Василей Александрович Строев, да дьяки Василей Шелкалов да Филип Стрешнев и великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Росии самодержцу посолства своего, как турецкому царю Магмет Салтану говорили и жалобу на посаженика ево на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, правительный лист подали.

И великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец || пожаловал послов своих боярина Михайла Павловича Шарап-Веригина, да боярина князь Михайла Васильевича Горьбатого, да боярина князь Ивана Михайловича Тростенского, да околничего Андрея Васильевича Сабурова, да околничего Ивана Михайловича Лихачева, да думного дворянина Ивана Михайловича Скуратова, да думного дворянина Ивана Федоровича Сидорова, да думного дворянина Ивана Васильевича Рюмина-Березникова, да думного дворянина намесника кадомского Ивана Васильевича Чернцева, да думного дворянина Михайла Михайловича Суханосова, да думного дворянина Василья Александровича Строева, да дьяков Василья Шелкалова да Филипа Стрешнева, велел их о здоровье спросить и у руки службу их милостиво похвалял, что они посольское наше государево дело исправили и не боясь смерти турецкого царя говорили по нашему приказу смело.

И за ту их посольскую службу великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец пожаловал их, || послов своих, велел им сказать честь и жалованье. А сказывал розрядной дьяк Андрей Клобуков им, послам, в Золотой полате: Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец пожаловал тебя, боярина Михайла Павловича Шарап-Веригина, велел тебе сказать дворечество и канюшей и комнатной боярин, да тебя же великий государь пожаловал за твою посольскую службу, указал тебе дать город Боровск в удел. А боярина князь Михайла Васильевича Горбатого пожаловал великий государь за посольскую службу, велел дати своего государева жалованья в Ярославском уезде в Черемиском стану дворцовое село Покровское з деревнями.

А боярина князь Ивана Михайловича Тростенского пожаловал великий государь за посолскую службу, велел тебе дати своего государева жалованья в Нижегородском уезде в околородном стану дворцовое село Екатеринино з деревнями. А околничего Андрея Васильевича Сабурова пожаловал великий государь, велел сказать боярство, да тебя же пожаловал за посолскую || службу, велел тебе дати своего государева жалованья в Серпуховском уезде в околородном стану дворцовое село Угру з деревнями. А околничего Ивана Михайловича Лихачева пожаловал великий государь, велел сказать боярство, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Вологодском уезде в околородном стану дворцовое село Фрязино з деревнями. А думного дворянина Ивана Михайловича Скуратова пожаловал великий государь в околничии, да его ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Ростовском уезде в околородном стану дворцовое село Великое з деревнями. А думного дворянина Ивана Федоровича Сидорова пожаловал великий государь в околничие, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Коширском уезде в Шатилловском стану дворцовое село Лишицы з деревнями. А думного дворянина Ивана Васильевича || Рюмина-Березникова пожаловал великий государь в околничие, да ево же пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Суздальском уезде в Посниковом стану дворцовое село Ерополчское з деревнями. А думного дворянина и намесника кадомского Ивана Васильевича Чернцева пожаловал великий государь в околничие, да ево же пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Костромском уезде в нагорской половине дворцовое село Сидоровское з деревнями. А думного дворянина Михаила Михайловича Суханосова пожаловал великий государь в околничие, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Нижегородском уезде в Пониском стану дворцовое село Княинино з деревнями. А думного дворянина Василья Александровича Строева пожаловал великий государь в околничие, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Козелском уезде в околородном стану дворцовое село з деревнями. || А дьяков Василья Щелкалова да Филипа Стрешнева пожаловал великий государь в думныя дьяки, да их же пожаловал за посолскую службу, велел им дати своего государева жалованья в Суздальском уезде в околородном стану дворцовое село Лопатницы з деревнями.

л. 254 об.

Да их же, послов, великий государь жаловал *столами* и ковшами, и кубками золотыми, и шубами за ту их далнюю службу и за послование всемирное.